

A woman with long, straight black hair is shown from the back, reaching out her right hand towards the viewer. She is wearing a light-colored, possibly white, long-sleeved top. The background is a dark, misty forest with tall trees and a path leading into the distance. The overall lighting is dim and blue-toned, creating a mysterious and slightly eerie atmosphere.

ПРИВЕТ С ТОГО СВЕТА

Анна Афинская

16+

Анна Афинская

Привет с того света

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67981523

SelfPub; 2022

Аннотация

Июнь. Летняя веранда ресторана. Четверо школьных друзей веселятся и шутят, отмечая очередной юбилей выпуска. Но все меняется, когда среди шума и веселья им вдруг передают привет от одноклассницы, которой давно нет в живых и судьба которой невидимыми узами связана с их собственной...

Анна Афинская

Привет с того света

Летняя веранда ресторана гудела неразберихой голосов и смеха. Раскрасневшийся от вина Костя в очередной раз поднял тост:

– Ну, за юбилей выпуска!

Тонкий, почти детский Машин голос растворился в звоне бокалов:

– Подумать только, целых десять лет прошло!

– Не прошло, а пролетело! – Добавил Дима.

Действительно, казалось, что еще совсем недавно ребята ходили в обшарпанное четырехэтажное здание школы, то-ропливо списывали друг у друга домашнее задание на переменах и мечтали о прекрасной и уже такой близкой взрослой жизни. И вот она наступила и пошла своим чередом: Костя занялся бизнесом и создал свою фирму, Маша с Димой поженились и вместе поступили на юридический факультет; только он стал следователем, а она предпочла более спокойную профессию и устроилась в нотариальную контору.

Мила смотрела на повеселевшие лица своих школьных друзей, улыбалась и думала о скоротечности жизни. Сама она пошла вслед за своей детской мечтой и стала врачом. Правда, она мечтала о более «классической» специальности вроде хирурга или кардиолога, и так бы оно и было, если бы

не тот случай в одиннадцатом классе... Именно после него она твердо решила учиться на психиатра.

Ее воспоминания перебил голос официанта, который подошел к их столику и начал выставлять с подноса бокалы для шампанского:

– Вам просили передать с дальнего столика.

Он деликатно отодвинул Машин салат в сторону и поставил ведро со льдом, в котором красовалась зеленая бутылка, заманчиво поблескивающая капельками конденсата.

Ребята непонимающе переглянулись, а Костя принялся вертеть головой по сторонам:

– Может кто-то из наших одноклассников тоже здесь?

– Смотрите! – Взвизгнула Маша, показав пальцем на шампанское, и закрыла рот рукой.

На обратной стороне бутылки была прилеплена желтая бумажка с клейким краем, на которой неестественно узкими, словно собранными в кучу буквами было написано: «С приветом от Олеси».

Костя опустил бокал и нервно сглотнул, Дима нахмурился, внимательно изучая записку наметанным следовательским взглядом, а Маша с тревогой заглядывала в озадаченные лица друзей.

Олеся была их одноклассницей. Она покончила жизнь самоубийством за два месяца до выпуска.

...Мила хорошо помнила эти узкие буквы. Она бы не спутала их ни с какими другими: они словно копировали фигуру

девочки, рука которой выводила их. Она хорошо помнила и ее саму: худощавую, нескладную, зажатую, как эти слепленные в кучу слова...

Олеся перешла в их школу в восьмом классе, но так и не стала «своей» за те четыре года, что они проучились вместе. Она была молчаливой и странной – как характером, так и внешне. Словно осознавая свою несуразность и непохожесть на остальных, она сразу стала держаться особняком от других ребят. Она редко открывала рот и вообще старалась сделать свое присутствие максимально незаметным для окружающих. Даже когда учитель вызывал Олеся к доске, она что-то мямлила себе под нос минуту-другую, а потом замолкала и опускала глаза в пол. Больше от нее нельзя было добиться ничего, кроме односложных ответов.

Как-то на уроке биологии учительница задала Олеся вопрос:

– Что происходит с организмом-хозяином при паразитизме?

Она неохотно поднялась с места и пробормотала:

– В нем появляется плесень.

Класс покатился смехом, а сама Олеся только вздрогнула и виновато опустила голову, словно извиняясь за глупость, которую ляпнула. После этого прозвище «плесень», которое так удачно сочеталось с ее именем, прочно приклеилось к ней.

В старших классах Олеся стала выделяться особен-

но невыгодно: остальные девочки округлились и расцвели юной, но уже женской красотой, а она так и осталась угловатым подростком с плоской грудью и острыми коленками. В свои 17 она выглядела на 14-15, а ее черные волнистые волосы делали ее неразвитую фигуру еще более нелепой. Слишком уж контрастно они выглядели на фоне угловатых детских плеч и худых белых рук. А она, как специально, всегда носила их распущенными, будто хотела спрятаться в своей шевелюре от насмешек и ехидных взглядов одноклассников...

Сначала Олеся просто дразнили: обзывали неприятным, но вполне безобидным «Олеся-плесень», а еще «чучелом», «немой» и «отсталой». Но в десятом классе в школу перешел Костя и изменил правила игры. Своим компанейским, бойким характером он быстро завоевал авторитет среди одноклассников и стал зачинщиком всяческих розыгрышей и издевательств – не только над Олесей, но и над другими «аутсайдерами» школы.

Это началось с ребяческих выходок: Олеся бросали жвачку в волосы или мазали ее стул сгущенным молоком, а потом давились от хохота, когда она неловким движением отряхивала испачканное платье. Или воровали и прятали ее старомодное фланелевое пальто из гардероба. Оно было ей слишком широко в плечах, словно она одолжила его у мамы или старшей сестры, и тоже служило предметом насмешек. Тогда Олеся долго ходила по раздевалке и тупым, непонимающим

взглядом разглядывала пустые вешалки. Пару раз она так и уходила без верхней одежды несолоно хлебавши – благо, она жила недалеко, и пройти десять минут налегке было не такой уж большой проблемой.

Как раз в последнем выпускном классе вошли в моду смартфоны и соцсети, и у большинства ребят появились странички в «Контакте», в том числе и у Олеси. Тогда-то Костя и придумал этот розыгрыш. Конечно, он не задумывался о возможных последствиях. Если бы он знал, к чему он приведет, то он никогда бы не решился на это. Но дети бывают не только легкомысленными, но и жестокими...

Последним уроком в тот день была физкультура. Запылавшиеся девочки ворвались в раздевалку и, спеша домой, кинулись переодеваться. Только Маша и Мила сразу же ушли. Олеся стеснялась своей нескладной фигуры, поэтому никогда не оголялась при других: обычно она переодевалась в туалете или так и уходила домой в спортивной форме. Только она не знала, что в тот день у ребят были на нее другие планы. Маша с Милой проследили, как она зашла в туалет и закрылась в одной из кабинок, и дали сигнал Косте с Димой. Тогда мальчики сорвали щеколду, ворвались к Олеся в кабинку и принялись фотографировать ее с хохотом и улюлюканьями.

– Посмотрите, какая фигура! Просто бомба! – Кричал Костя.

– Полный отпад! – Вторил ему Дима.

А Маша и Мила стояли в стороне и надрывали животы, глядя, как напуганная Олеся пулей выбежала из туалета и скрылась в пустом школьном коридоре.

Как ребята потом заливались хохотом над фотографиями, разглядывая детские хлопковые трусики в горошек и такую же хлопковую майку, из-под которой несуразно торчали подростковые пупырышки-груды... А еще испуганное бледное лицо, застывшее в идиотской гримасе. Фотографии тут же разошлись по соцсети, а кто-то даже умудрился добавить их Олеся на страницу.

Когда на следующий день Олеся пришла в школу, ей не давали прохода.

– Подскажи, где продают такие трусы в горошек, я тоже хочу себе такие купить, – говорила Маша и заливалась звонким, как школьный колокольчик, смехом.

– С таким бельем у тебя, наверное, отбоя нет от парней? – спрашивал Дима, и весь класс дружно хохотал.

Мила хотела, было, тоже сказать какую-нибудь колкость, но осеклась, глядя на опущенную лохматую голову и содрогающиеся узкие плечики. Олеся покидала тетради и учебники в сумку и выбежала из класса. Больше ребята ее не видели.

Через два дня классный руководитель Марина Петровна вошла в класс тяжелым шагом и с потемневшим лицом. Ребята сразу притихли, почуяв что-то неладное. Они думали, что учительница как обычно станет кричать на их за плохие

оценки и несерьезное поведение в конце учебного года, но она села за стол, сняла очки и тихим голосом произнесла:

– Олеси Семаковой больше нет. Вчера она покончила с собой.

Тогда ни один шорох, ни один голос не решался разбить звенящую тишину, которая повисла в классе, пока Марина Петровна не добавила:

– Похороны завтра, все желающие могут присутствовать.

...Все эти воспоминания пронеслись у Милы в голове за считанные секунды. Она вернулась к реальности, когда услышала голос Димы, обращенный официанту:

– Скажите, кто передал эту бутылку?

– Девушка с дальнего столика, – официант показал пальцем в угол летней веранды.

Все четверо повернули головы в указанном направлении, но за столиком никого не было. Только недопитый стакан апельсинового сока одиноко блестел в приглушенном ресторанном освещении.

– Что за девушка? – Продолжал допрос Дима.

– Странная какая-то, все смотрела в одну точку... Я еще подумал, может, она слепая? На вид лет 16, не больше. Когда она заказала шампанское, я попросил у нее паспорт, но она сказала, что оно не для нее, а в подарок вашему столику. Сама-то она пила сок, так что я не стал настаивать.

– Вы можете описать ее внешность?

– Темные вьющиеся волосы, бледная кожа, сама худая и

невысокая.

Дима нахмурился еще больше и сказал:

– Ладно, спасибо, можете идти.

Ни про какое продолжение праздника не могло быть и речи. Какое-то время ребята просто сидели молча – все вместе, но каждый наедине с собственными мыслями. Костя в одночасье протрезвел: ушла краснота лица и исчез веселый блеск из глаз. Маша притихла и жалась к Диме, как будто ей было холодно, а сам он больше не проронил ни слова. Мила и сама хотела поскорее вернуться домой, чтобы переварить то, что произошло. Не могла же Олеся воскреснуть? Но именно ее внешность описал официант. Может, кто-то разыгрывает их? В силу профессии, Мила верила только в здравый смысл и логику. Никаких привидений не существует. Это все детские глупости. Наверняка, есть рациональное объяснение всему этому. Только интересно, кто так мастерски подделал Олесин почерк...

Один за другим ребята засобирались домой и быстро разошлись, так и не притронувшись к таинственной бутылке шампанского.

...В тот вечер Мила едва успела ступить на порог своего дома после длинного рабочего дня, как зазвонил телефон. Это была Маша. Ее дрожащий голос сразу выдал, что что-то не так:

– Привет, Мила, слушай... – Она замолчала. – Ты можешь приехать?

– Что случилось?

– Я получила от нее еще одно послание...

Можно было не спрашивать от кого – и так сразу было понятно, что от Олеси. Мила поинтересовалась:

– Ты Диме говорила?

– У него сегодня дежурство, он будет только утром. Я решила его пока не беспокоить. К тому же он не любит, когда я звоню ему на работу. Приезжай, а? Я тебя очень прошу...

И хотя у Милы за плечами был тяжелый рабочий день – была пара сложных случаев, – она без разговоров собралась и поехала к подруге.

Маша встретила ее при полном параде: брючный костюм в тонкую полоску, стильный макияж с ярко-красной помадой – видимо, она даже не успела переодеться после работы. Она была бледнее обычного; даже ее каштановые волосы как будто потускнели и утратили медный блеск. Она обняла Милу и сказала:

– Спасибо, что приехала.

Они прошли на кухню, и Маша протянула Миле ярко-зеленый конверт с надписью «Диме и Маше от Олеси»:

– Это было в нашем почтовом ящике. Вообще-то я его несколько дней не проверяла. Кто знает, когда его принесли...

В конверте была такая же зеленая карточка, на которой знакомым убористым почерком было написано: «Иногда в организме-хозяине появляется плесень. Вы думаете, что вы

хозяйева своей жизни, но плесень уже подбирается к вам».

Подруги переглянулись. Маша сказала:

– Помнишь тот урок в восьмом классе? Это же оттуда. Это после него мы стали ее дразнить «Олеся-плесень».

Мила ответила, продолжая разглядывать слипшиеся буквы, выведенные черной шариковой ручкой:

– Конечно, помню.

И добавила:

– Может, кто-то из ее родственников мстит нам? Помнится, у нее была старшая сестра.

У нее перед глазами возник дождливый апрельский день, робкие, как плечи девчонки, побеги на деревьях и жуткая чернеющая яма в земле. Гроб с белой обивкой и такое же белое лицо, спрятанное в пушистой шевелюре, которая продолжала защищать ее обладательницу от любопытных глаз даже после смерти. Бледная заплаканная женщина с красивыми темными волосами, которые, в отличие от Олесиных, гладкими волнами лежали у нее на плечах. И миниатюрная молодая девушка, которая держала ее за руку и не плакала, а только безучастно смотрела куда-то вдаль, словно пыталась разглядеть среди веток и надгробий силуэт своей погибшей сестры. На вид ей было лет двадцать и она была похожа на Олесю, только ее фигура и стиль одежды были более женственными.

Маша взяла конверт и принялась задумчиво вертеть его в руках:

– Я тоже тут про нее вспомнила. Мы же с тобой были на похоронах и видели ее. Копия Олеси. Но откуда ее сестра могла узнать про тот случай на уроке биологии?

– Только если от самой Олеси... Только как бы она сошла за шестнадцатилетнюю? Сейчас ей должно быть лет тридцать. Хотя в ресторане было темно, и если она выглядит моложе своих лет, то все возможно...

Маша положила конверт на стол и принялась накручивать выбившуюся прядь волос на палец – она всегда так делала, когда пыталась сосредоточиться:

– А еще эти буквы... Это же Олесин почерк! Я хорошо его помню.

– Я тоже. Но почерк можно и подделать. Слушай, а может, кто-то из наших одноклассников мстит за нее?

– Ну, не знаю, кто например? У Олеси же не было друзей. Весь класс ее травил.

Маша заглянула Миле в глаза. В ее взгляде читалась тревога:

– А главное, она как будто угрожает нам. Именно так звучит это послание, кто бы это ни написал. Мне становится страшно. Что может быть на уме у человека, который отправляет такие письма?

Вдруг Милин телефон запиликал звуками скрипки, и Маша вздрогнула от неожиданности. На экране высветилось имя «Костя». Странно... Вообще-то Мила с Костей не были близки – их связывала только совместная дружба с Машей

и Димой. Конечно, у них были телефоны друг друга, но они никогда не созванивались и не встречались, а их общение ограничивалось поздравительными сообщениями на праздники и дни рождения. Что за день сегодня такой! Мила сняла трубку, пока Маша, затаив дыхание, смотрела на нее.

Голос на другом конце провода выпалил:

– Я поймал ее!

– Что? Костя, это ты? Кого «ее»?

– Кого-кого! Любительницу передавать приветы с того света – вот кого! Она сейчас у меня дома. Приезжай, похоже, тут для тебя работенка! Она явно не в себе.

У Милы зашевелились волосы на голове. Она с замиранием сердца задала глупый, нерациональный, но неизбежный вопрос:

– Но... это ведь не Олеся?

– Нет, просто похожа очень.

– Хорошо, присылай адрес... Мы вместе с Машей сейчас приедем.

...Костина дверь сразу же бросилась в глаза, как только Мила и Маша вышли из лифта. Красными узкими буквами на ней было выведено: «Здесь живет у...». На этом надпись обрывалась, а хвостик буквы «у» длинной кривой линией уходил вниз. Видимо, Костя поймал хулиганку в самом разгаре действия.

Маша нажала на кнопку звонка, за дверью послышались торопливые шаги, и на пороге возник Костя. Он выглядел

взволнованным и каким-то скованным – от его привычной манеры держать себя уверенно и даже несколько развязно не осталось и следа. Он без прелюдий перешел к сути дела:

– Прихожу домой – а она стоит с баллончиком и пишет на моей двери. Ну, тут я ее и скрутил. Смотрю, а она какая-то двинутая, будто вообще не соображает, что происходит. Пойдемте, она в комнате.

Подруги зашли в гостиную и обомлели. В кресле у окна сидела Олеся. Точнее, девушка, которую легко можно было принять за нее. Такие же непослушные волосы – только не черные, а темно-русые и более кудрявые, – худые белые руки и хрупкие плечи. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, что девушка находится в неадекватном состоянии. Она лунатически покачивала слегка опущенной головой из стороны в сторону и потрясывала коленями в беззвучном, одной ей известном ритме, а взгляд ее широко распахнутых глаз был стеклянным. Мила осторожно подошла, села на корточки перед креслом и спросила:

– Здравствуйте, меня зовут Мила. А вас?

Девушка не ответила и даже не посмотрела в ее сторону, продолжая в прежнем ритме покачивать головой и коленями.

– Вы меня слышите?

Мила провела рукой перед самым носом девушки. Реакции не было. Потом она достала телефон, включила фонарик и осветила ей прямо в глаза. Зрачки девушки не реагируют.

вали на свет, а ее взгляд оставался таким же безжизненным. Мила обернулась к друзьям:

– Тут либо острый психоз, либо... гипноз.

Костя подошел ближе – все это время они с Машей мялись в дверях, не решаясь приблизиться к странной гостье:

– Вот и я говорю – тут и психиатром не надо быть, чтоб увидеть, что с ней что-то не так.

– Но это же не Олесина сестра? – Сказала Маша, выглядывая из-за спины Кости.

– Нет, – обернулся он к ней. – Дима разве не рассказывал тебе, что пробил ее сестру? Я сегодня ему звонил, и он мне сказал, что он еще несколько дней назад поднял дело Олеси и пробил ее родственников. Так вот, ее мать умерла вскоре после нее самой, а сестра уже несколько лет живет и работает в Сочи. Не она это!

А потом покачал головой и с ухмылкой добавил:

– Ну, Димка... Вот они какие, эти следователи – даже с собственными женами информацией не делятся!

– К тому же, судя по физиологическим признакам, этой девушке явно не больше восемнадцати лет, – сказала Мила.

Тут ей в голову пришла одна идея. Она напряглась, пытается вспомнить все, что она знала из гипнологии. Плечи, ладони и колени – именно эти части тела используются гипнологами для введения и выведения человека из гипноза.

Мила взяла девушку за угловатые плечи. Она только слегка дернулась всем телом, но продолжала так же покачивать

головой и потрясывать коленями. Не то. Тогда Мила взяла ее ладони в свои – они были ледяными, хотя в комнате было тепло, даже слегка душно. У нее у самой прошел холодок по коже от этого прикосновения. Она заглянула в лицо девушке:

– Слышите меня?

Опять ноль реакции. Вдруг подошла Маша, села на корточки перед девушкой и сказала:

– Олеся, ты слышишь меня? Олеся?

Мила, было, хотела поднять подругу на смех, но тут девушка встрепенулась, приподняла голову и растянула губы в жуткой, неестественной улыбке. За свою недолгую карьеру психиатра Мила уже успела повидать всякое, но даже ей стало не по себе от этого оскала и выпученных стеклянных глаз. Неужели девушку ввели в гипноз, используя имя «Олеся» как слово-якорь?

Она тихо произнесла, продолжая покачивать головой:

– Олеся... Олеся... Олеся...

И начала повторять все громче и громче, пока ее довольно низкий голос не сорвался на визгливый крик:

– Олеся! Олеся! Олеся!

Вдруг девушка замолчала, затряслась мелкой дрожью и откинулась на спинку кресла, закрыв глаза. Она была без сознания.

– Костя, у тебя нашатырь есть? – Спросила Мила.

– Сейчас поищу.

Костя исчез в дверном проеме и вернулся через пару минут с коричневым пузырьком в руке.

От нашатыря девушка сморщила нос, зашевелилась и открыла глаза. Теперь ее взгляд был осознанным, и она растерянно оглядывалась по сторонам.

– Где я? Кто вы такие? – Наконец, спросила она. Ее речь была вялой, будто каждое слово давалось ей с большим трудом.

– Ничего себе! – Гаркнул Костя. Девушка аж дернулась от его резкого голоса. – Это ты писала гадости на моей двери, а сейчас еще и спрашиваешь, кто мы такие! Это ты кто такая!? Говори сейчас же!

Мила шикнула на него – нельзя было так разговаривать с человеком в таком состоянии. Мало ли какая реакция может последовать. Но девушка невозмутимо ответила:

– А, это... Это не я, это Олеся.

Все трое застыли, не решаясь задавать вопросы. Девушка сказала:

– Отвезите меня, пожалуйста, домой. Мама вам все объяснит, а то у меня сил нет...

...В дороге девушка уснула, откинувшись на пузатый подголовник Костиного джипа. Мила ехала рядом с ней на заднем сидении и периодически заглядывала в ее бледное лицо, но та спала крепким, глубоким сном – даже ресницы не вздрагивали. Названный девушкой адрес был за городом, и ехать пришлось довольно долго. Наконец, навигатор сооб-

шил, что пункт назначения достигнут: им оказался небольшой коттедж, спрятанный в густых зарослях зелени и цветочных кустов. Темная нить плюща, как паутина, опутывала кирпичный фасад.

У кованого черного забора стояла женщина и вглядывалась в темноту. Как странно – словно она их ждала... Она без слов подошла к машине и по-хозяйски распахнула заднюю левую дверь – именно ту, где сидела девушка. Тут она посмотрела на недоумевающего Костю, который, по всей видимости, уже собирался сделать ей замечание за такое бесцеремонное обращение с его машиной, и сказала:

– Вы не могли бы донести Еву до кровати? Не будем ее будить, ей необходим отдых.

У женщины был бархатный грудной голос, а от нее самой как будто бы шла волна силы и власти, не подчиниться которой было невозможно, и Костя растерянно сказал:

– Хорошо...

Он вышел из машины, взял спящую девушку на руки и послушно пошел вслед за женщиной. У входа в дом она обернулась и обратилась к Маше и Миле:

– Проходите, девушки.

Как только Мила увидела внутреннюю обстановку дома, ей все стало ясно. По стенам гостиной были развешены панно с оккультными символами, а все свободные поверхности были заставлены горящими свечами. Посередине комнаты стоял большой круглый стол, на котором возвышался хру-

стальной шар и были рассыпаны разноцветные камушки, колода потрепанных карт и еще какие-то непонятные «магические» предметы.

– А, так вот откуда взялся гипноз. Похоже, что мы имеем дело с шарлатанами, – шепнула Мила на ухо Маше.

Наконец, хозяйка дома показалась в дверном проеме. Костя, как послушный ученик, следовал за ней. Только теперь Мила рассмотрела эту женщину как следует. У нее не осталось сомнений в том, что Ева была ее дочерью: у них были одинаковые линии скул и густые вьющиеся волосы. Только Ева была заметно бледнее, а во внешности ее матери было больше южного, чего-то цыганского: темные кудри, смуглая кожа и слегка раскосые карие глаза. Ее шея и руки были увешены украшениями, а в ушах болтались массивные аметистовые сережки. Все это подергивалось и побрякивало при каждом ее движении, добавляя ее облику и голосу еще больше гипнотизма.

И хотя время было позднее и от долгой езды в машине Милу затянуло в сон, она старалась взбодриться, чтобы быть начеку. Еще не хватало, чтобы их самих загипнотизировали и обобрали... В таких домах все возможно.

Женщина сделала пригласительный жест рукой и сказала: – Проходите за стол. Меня зовут Зара, а Ева – моя дочь.

Мила не стала ходить вокруг да около:

– Это вы ввели Еву в гипнотическое состояние?

Зара усмехнулась, а ее глаза сверкнули лукавым огоньком:

– Нет, что вы. Она сама. Точнее, дух Олеси. Но вы же не верите в такие вещи, не так ли? Негоже врачу-психиатру верить в призраков...

Милу бросило в жар, но она изо всех сил постаралась не подать вида. Откуда эта женщина знает, кем она работает? Неужели они с дочерью следили за ней?

– А откуда вы знаете, что я врач-психиатр? – Максимально непринужденно спросила она, приподняв бровь.

Зара только молча покачала головой, сохраняя на лице хитрую ухмылку. Миле было не по себе от ее взгляда – ей казалось, что женщина читает ее мысли. Она хорошо знала это ощущение, ведь оно иногда возникало у нее при общении с пациентами психбольницы.

Но вот выражение лица Зары сменилось на серьезно-сосредоточенное, лукавый огонек в глазах потух, и она сказала:

– Давайте я вам лучше расскажу про Олесю. Вы же для этого сюда пришли, а не для гадания какого-нибудь. Про себя вы и так все знаете.

Она сделала паузу, потрепала аметистовую сережку в ухе и начала объяснять:

– Мы из колдовского цыганского рода, только у нас с Евой разный дар. Я читаю живых, а она – мертвых. Иногда духи умерших овладевают Евой: заставляют ее служить им, пока она не исполнит их задание. Обычно это какое-то дело, которое человек не успел сделать при жизни. Но иногда это бывает и наказание для тех, кто его обидел или отправил на

тот свет.

Зара многозначительно оглядела ребят.

– То есть, она мстит нам? – Впервые открыла рот Маша. В этой комнате с ее таинственными символами на стенах и гуляющими в полумраке тенями ее голос казался особенно тонким и каким-то жалким.

Зара утвердительно кивнула головой:

– Да, мстит, как может. Она делает только то, на что способна ее детская нежившая душа. Олеся – это светлый дух, несмотря на то, что она сама отняла у себя жизнь и перешла на *ту* сторону в глубокой обиде.

Мила прокрутила в голове события этих дней: бутылка с запиской, письмо с завуалированными угрозами и надпись баллончиком на двери. Все это действительно выглядело как-то по-детски. словно маленькие хулиганы изводят пожилую соседку или подростки-одноклассники потешаются друг над другом...

После слов про месть Костя заметно поежился. Зара обратилась к нему:

– Да, молодой человек, именно вас она винит в своей смерти в первую очередь.

Он подавленным, таким не характерным для него голосом сказал:

– Я знаю, я виноват перед ней. Если бы я только знал, что она так поступит...

А потом нахмурил брови и добавил:

– Только... почему она стала мстить именно сейчас, ведь столько лет прошло?

– Такое бывает. Дух спит, а потом что-то из *другого* мира провоцирует его, как бы выталкивает его оттуда, и он начинает надоедать живым. А иногда духи не находят подходящего медиума. Может быть, Олеся ждала Еву, чтобы именно через нее добраться до вас. Ей как раз недавно исполнилось 16. До этого возраста психика еще слишком слаба и неспособна контактировать с духами.

Здесь Мила была согласна с Зарой – конечно, не про духов, а про неокрепшую психику.

Костя нервозно взъерошил свои короткие светлые волосы:

– Что же нам делать?

– Можно попробовать вызвать дух Олеси и попросить у нее прощения. Вполне возможно, что ей этого будет достаточно, ведь она не пытается вам серьезно навредить. Так, пакостит по мелочам. Только Ева должна отдохнуть – сегодня она не сможет принять в себя Олеся. Приходите лучше завтра вечером.

И добавила:

– И своего четвертого друга тоже прихватите.

Мила была в замешательстве. Ее рациональный медицинский ум отказывался верить в реальность призраков и загробной жизни. Интересно послушать, что на это все скажет Дима – его следовательский ум был не менее рациональным.

А вот легкомысленный Костя и эмоциональная Маша захватили наживку. Мила не могла не заметить, с какими замороженными лицами ее друзья слушали Зару и как молниеносно поверили в тот бред, что она несла. Идеальные жертвы для мошенников...

Она была уверена, что завтра мама с дочкой устроят показательный спиритический сеанс, а потом потребуют за него нешуточную плату. Наверняка, они все это и затеяли ради денег. Может, они все-таки родственники? Это бы могло объяснить и внешнее сходство Евы с Олесей, и то, зачем они это делают. Только вот непонятно, откуда они узнали все эти подробности из ее жизни и где достали образец ее почерка...

...Мила оказалась права насчет Димы: ему все это не нравилось ничуть не меньше, чем ей. Когда друзья заехали за ней следующим вечером, он был угрюмее обычного и нервно барабанил пальцами по рулю. Не успела Мила сесть в машину, как Дима начал перепалку:

– Зачем нам этот цирк? Вы что, реально поверили, что это дух Олеси? Это же просто шарлатаны, которые выколачивают деньги из всяких наивных идиотов!

И, сердито поглядывая на притихшую Машу, добавил:

– Маш, очнись, ты же юрист, а не астролог!

Но она только молча отвернулась к окну, накручивая на палец рыжеватую прядь волос.

Не найдя поддержки у жены, Дима посмотрел в зеркало заднего вида, туда, где мелькала темноволосая макушка Ми-

лы:

– Мил, а ты чего? Исследовательский интерес что ли?

– Именно. Там не обошлось без гипноза, а это очень интересный феномен с точки зрения психологии.

Видимо, этот ответ удовлетворил Диму, и он угомонился. Оказалось, что он и сам согласился поехать только для того, чтобы побольше узнать про Зару и Еву и, в случае чего, привлечь их за мошенничество.

Когда ребята подъехали к дому Зары, Костин «крузак» уже был припаркован у забора. Мила забеспокоилась: еще не хватало, чтобы его тут обдурили и обчистили ему карманы, пока никто не видит. До вчерашнего дня она и представить не могла, что энергичный и уверенный в себе Костя окажется таким легким объектом для внушения. А в том, что Зара владела искусством внушения, причем на мастерском уровне, у нее не оставалось никаких сомнений.

Увидев Зару, Дима сухо поздоровался и метнул недоверчивый взгляд на ее бесчисленные ожерелья, браслеты и кольца. Как и вчера, по всей гостиной горели свечи, а хрустальный шар оказался ночником, и теперь он горел призрачным голубоватым светом, что добавляло окружающей обстановке еще больше таинственности. Ева и Костя сидели за столом и не разговаривали – только блики от ночника мелькали на их неподвижных задумчивых лицах.

Друзья расселись по свободным местам, и Зара сказала:

– Ну что, начнем?

Дима с нескрываемой издевкой выдал:

– Что, за руки будем браться и поднимать стол?

– Нет, не будем, – невозмутимо ответила Зара.

Ева оглядела присутствующих:

– Сейчас я впущу в себя Олесю, и вы сможете с ней поговорить.

Все послушно замолчали, и только Дима еле слышно буркнул:

– Ну-ну.

В комнате повисла тишина. Все испытующе смотрели на Еву. Как и тогда, в квартире Кости, она слегка наклонила голову и стала ей покачивать из стороны в сторону. Это продолжалось несколько минут, пока Ева не затряслась всем телом. Ее взгляд стал стеклянным, а губы расплзлись в ненатуральной улыбке, похожей на оскал. В этом синеватом полумраке это выглядело особенно жутко, и Миле даже показалось, что температура в комнате резко понизилась на несколько градусов. Она невольно поежилась. Но, несмотря на это, она наблюдала за происходящим с нескрываемым интересом. Надо же так мастерски изобразить судороги! У девчонки однозначно талант. Теперь понятно, как у мамы с дочкой получается выбивать у впечатлительных клиентов кругленькие суммы...

Только вчера Ева действительно была в гипнотическом состоянии... Мила была уверена, что это работа Зары, но теперь женщина сидела в стороне, ничего не говорила и да-

же не дотрагивалась до дочери. Видимо, сегодня Ева просто изображает транс, а не входит в него.

Звучный голос Зары разбил молчание:

– Можете спрашивать, Олеся здесь.

Никто из ребят не решался задать вопрос первым, и Мила вновь взяла на себя эту обязанность:

– Зачем ты это делаешь?

Конечно, ее вопрос был адресован Еве, а никакой не Олеся. Только Ева, слегка тряхнув рассыпавшимися по плечам волосами, ответила каким-то сдавленным, не своим голосом:

– Пока я была жива, вы издевались надо мной. Теперь моя очередь издеваться над вами.

Мила отметила, что у Евы появилась манера комкать слова, а ее бархатный, почти такой же как у матери голос вдруг стал поверхностным и приглушенным. Как будто это Олеся разговаривала ртом Евы... Даже при полной тишине в классе было трудно разобрать, что она говорит – ее речь была не только тихой, но и невнятной, словно она стеснялась звука собственного голоса.

Впрочем, Мила прекрасно знала, что разговаривать разными голосами – это тоже искусство, которому можно научиться. Ведь Ева умеет подделывать и чужой почерк, а это будет посложнее.

– Ты когда-нибудь простишь нас? Мы не хотели, чтобы так получилось... Мы были просто глупыми детьми, – сказал Костя, не решаясь поднять взгляд на жуткую улыбку и

стеклянные глаза Евы.

Миле стало неловко за друга: зачем он откровенничает перед этими мошенницами, ведь и так понятно, что они просто разыгрывают их?

Ева зловеще клацнула зубами – Костя аж вжался в спинку стула. Она прошипела:

– Ты – убийца! «Здесь живет убийца»! Ты не дал мне это дописать у тебя на двери. А ведь это ты во всем виноват. Это ты убил меня.

Костя еще ниже повесил голову, а Ева продолжила, теперь уже более громко:

– Не хотели, говоришь? Я тоже не хотела уходить из жизни. Я ждала, когда наконец закончится эта проклятая школа и я стану свободной. Я ненавидела ее. И всех вас тоже. Каждый день терпеть насмешки и ловить презрительные взгляды. Что я вам сделала? За что вы меня так изводили? Интересно, сколько бы выдержал каждый из вас. А я продержалась почти четыре года. – Она замерла и еще сильнее растянула губы в зловещей улыбке. – Но эти фотографии стали последней каплей. После этого я вдруг поняла, что дальше будет все то же самое. До этого мне казалось, что стоит мне закончить школу, и все наладится: у меня появятся друзья, круг общения и, может быть, даже парень. А эти фотографии открыли мне глаза. Я поняла: нет, не наладится. Надежды нет. Меня нигде не примут – ни в институте, ни на работе, – и я всю жизнь останусь «Олесей-плесенью». Странной, убо-

гой и никому не нужной. Поэтому проще было покончить со всем этим раз и навсегда и, наконец, обрести покой. Это было просто: я нашла мамины таблетки, выпила целую упаковку и легла спать. В тот день я в первый и последний раз заснула без мыслей о пережитых издевательствах и без страха, что завтра меня ждут новые.

У Милы побежали мурашки от этого монолога – так проникновенно он был произнесен. В какой-то момент ей показалось, что за столом действительно сидит сама Олеся. Тем более, что манера разговора была ее – Ева бормотала сквозь зубы и комкала слова. Кроме того, в свете свечей и голубого ночника она была как две капли воды на нее похожа.

Вдруг рядом послышалось всхлипывание и дрожащий Машин голос:

– Прости нас, Олеся! Мы так виноваты перед тобой! Но знай, что мы тебя не забываем. Я каждый год в годовщину твоей смерти тайком отношу цветы на кладбище. Даже Дима об этом не знает.

Мила с удивлением посмотрела на подругу: на ее щеках поблескивали дорожки слез. Она перевела взгляд на Диму, ожидая прочесть на его лице осуждение, но он только приобнял Машу и чуть слышно сказал:

– Ты молодец. В следующем году поедем на кладбище вместе.

А потом повернулся к остальным и добавил:

– Я редко об этом говорю, но я Олесю тоже не забываю.

Это после ее самоубийства я решил стать следователем, чтобы ловить таких, как мы. Ведь мы тогда совершили преступление. И если бы следователь оказался потолковее, то нас бы обязательно привлекли. А он копать не стал – провел формальный допрос и все. Нам все сошло с рук, а ведь это мы довели Олесю до этого. Мы виноваты в ее гибели, и нам повезло, что она не написала об этом в своей предсмертной записке.

Мила не могла поверить своим ушам: чтобы Дима так разоткровенничался, да еще при чужих людях! Он всегда был сдержанным и себе на уме – полная противоположность Маши, у которой все было написано на лице. Недаром говорят, что противоположности сходятся...

– Да, не написала! – Прошипела Ева сквозь оскаленные зубы. – Вы думаете, я пожалела вас? Нет, я пожалела маму – не хотела, чтобы она узнала про мой позор. Я вообще им с сестрой ничего не рассказывала все эти четыре года. А зачем? Чтобы они узнали, что их дочь и сестра – главное посмешище школы? Все равно они бы ничем не смогли мне помочь – только пожалели бы. А мне жалости и так было достаточно – вы все смотрели на меня как на убожество. И учителя тоже. Ведь ни один из них не вмешался, хотя все всё прекрасно видели.

Мила почувствовала, как к ее горлу подступает ком. А ведь она сама много раз думала об этом: почему никто из взрослых не помог затравленному ребенку? Ведь учителя

знали, что происходит, и ничего не предприняли.

Тут Ева механическим движением, как кукла или робот, повернула голову в сторону Милы и вперила в нее свои невидящие стеклянные глаза. У Милы перехватило дыхание.

– Ты же меня жалела, да? Больше других жалела. Я видела, как ты смотрела на меня в тот день, после того, как фотографии появились в сети. Если тебе было меня жалко, то почему ты не остановила их?

Миле казалось, что к ней обращается голос ее собственной совести. Она много раз задавала себе эти вопросы все эти годы: и про учителей, и про себя саму. Зачем она не остановила ребят да еще и стала участвовать в этом розыгрыше, хотя ей сразу не понравилась эта идея? Именно эти неотвеченные вопросы и чувство вины заставили Милу выбрать профессию психиатра. И теперь, десять лет спустя, она продолжала видеть эту худенькую нескладную девочку в каждом депрессивном подростке, который попадал к ней на прием. И боролась за каждого из них, пробуя экспериментальные методы и принимая некоторых пациентов в частном порядке в свое свободное время, только чтобы не допустить того, что случилось с Олесей. Чтобы искупить свою вину перед ней и спасти других, у которых еще была надежда начать новую жизнь и оправиться от издевок одноклассников, первой несчастной любви и предательства родителей. Оказывается, что чувство вины иногда работает на благо...

Мила потеряла похолодевшие от волнения руки. Она как-

то забыла про шарлатанство, искусно изображенные судороги и мастерски подделанный голос и обратилась к Еве как к Олесе:

– Да, я виновата, что не остановила ребят и участвовала в этой дурацкой шутке. Я всегда себя корила за это... Я поэтому и стала психиатром – чтобы помогать таким, как ты. И когда у меня получается уберечь очередного затравленного подростка от суицида, я знаю, что я отработала какую-то часть моей вины перед тобой, пусть и маленькую.

Мила впервые озвучила эти свои мысли вслух. Ей стало на удивление легко, как будто с ее плеч упал тяжелый груз. Настоящий катарсис. Даже от психоанализа не было такого мощного эффекта.

В ответ Ева только продолжала скалиться и смотреть в никуда, словно сквозь Милу.

Костя поднял голову, и по его лицу пробежали голубоватые блики от ночника:

– Мне так стыдно, что я придумал этот ужасный розыгрыш. И что зачем-то опубликовал фотографии в интернете. Прости меня, Олеся, я виноват перед тобой больше всех.

Он оглядел лица друзей и с сожалением покачал головой. После нескольких секунд молчания он продолжил:

– Я вам не говорил, но когда у меня дела пошли хорошо, я начал каждый месяц отчислять деньги в благотворительный фонд по борьбе с травлей. Это, конечно, мелочь по сравнению с тем, что мы сделали с Олесей, но ее все равно не вер-

нуть... А тут есть возможность помочь другим ребятам, над которыми издеваются одноклассники. Может, и у меня получится спасти хотя бы одну такую Олесю...

В комнате снова повисла тишина – только Машины всхлипывания и треск пламени свечей разбивали ее. Вдруг Ева перестала скалить зубы и пробормотала еле слышным, как сквозняк, голосом:

– Я прощаю вас. Живите дальше.

Вдруг она протяжно и громко вздохнула, ее тело пробила мелкая дрожь, и она в беспамятстве откинулась на спинку стула. Миле показалось, что за спиной Евы мелькнул и растворился прозрачный силуэт. Или это просто была тень от ее тела?

Зара, все это время молча наблюдавшая за происходящим, заглянула ей в лицо и коснулась ладонью ее покрытого испариной лба. Она удовлетворенно покачала головой и обратилась к ребятам:

– Вот и все. Похоже, что у вас получилось – она ушла. Будем надеяться, что на этот раз – насовсем.

Зара быстро выпроводила ребят под предлогом, что Еве надо отдохнуть после сеанса. К удивлению Милы, она не потребовала у них денег. Неужели все это было по-настоящему? Мила уже ни в чем не была уверена. И этот бормочущий голос, и Олесин почерк, и мелькнувшая тень за спиной у Евы... Она знала только одно: сегодня произошло что-то очень важное. Все эти годы ей казалось, что ее одну мучили

угрызения совести, а оказалось, что смерть Олеси изменила жизнь каждого из ребят. Мила и ее друзья впервые решились поделиться друг с другом своим невысказанным чувством вины и освободились от этого непомерного груза, разделив его на четыре равные части.

На улице по-летнему ласково шелестел ветер, перебирая листья деревьев и кустов невидимыми пальцами. А может, это шептала робкая Олесина душа, передавая еще один привет с того света? Вдруг она все еще где-то здесь и наблюдает за ребятами, но ее призрачные глаза впервые горят не обидой и злобой, а молчаливым спокойствием? Миле хотелось так думать. Кто знает, что там, на *той* стороне. В конце концов, ответ на этот вопрос не знают даже психиатры.

Бодрый Костин голос перебил шелест ветра и Милены рассуждения:

– Ребят, а может ко мне, помянем Олесю?

Все с радостью согласились: в этот вечер никому из ребят не хотелось оставаться наедине со своими мыслями. И, полечавшие от этого спонтанного предложения и от освободившего их плечи груза, они помчались по вечерним дорогам мимо мерцающих, как огоньки свечей, уличных фонарей.